

## Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию

Елена Мельникова

Scandinavians in Eastern Europe:  
from spontaneous flow to government regulation

Elena Melnikova

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870005873-1

«Человек зовётся Карл... Взял тогда Карл слово и сказал своим гребцам: “...Я собираюсь отправиться в торговую поездку в Аустрвег..., но я хочу дать вам возможность идти другим путём и право уйти с моего корабля. Пусть датчане, или люди с юга и англичане[, которые] здесь [есть,] идут на других кораблях туда, куда им больше нравится”. Тогда отвечает один норвежец: “Для нас это совсем неожиданно... Но потому что вы люди отважные, и нам всё нравится в тебе, и похоже на то, что ты человек удачливый, мы... хотим положить на твою предусмотрительность”. Так они и решают, и плывут с ним, пока не приходят в Аустррики»<sup>1</sup>. Этот рассказ о торговой поездке на Русь, хотя и относится к началу 1030-х гг., прекрасно описывает, возможно, не столько обстоятельства организации данной конкретной поездки (вероятно, имевшей место в действительности)<sup>2</sup>, сколько типичную ситуацию, представление исландцев конца XII — начала XIII в. о том, как совершались такие поездки на Русь. Сходным образом рассказывается, как 20 годами раньше Эймунд Хрингссон собирал отряд, чтобы принять участие в междоусобной борьбе Владимировичей: возвратившись из викингского похода и узнав о расправе, учинённой Олавом Харальдссоном над местными конунгами, в том числе над его отцом, Эймунд обратился к своим воинам, предлагая отправиться на Русь: «“Пришло мне теперь на мысль, если вы согласны, отправиться туда (на Русь. — Е.М.)... Для нас это будет хорошо — добудем и богатство, и почесть”... Все они согласны. Было там много людей, которым хотелось добыть богатство и отомстить за свои обиды в Нореге... Собираются они в путь с Эймундом и Рагнаром и отплывают большой дружиной, избранной по храбрости и мужеству, и стали держать путь в Аустрвег»<sup>3</sup>. Примерно за 100 лет до Эймунда и Карла норвежец Хаук Длинные Чулки, приближённый Харальда Прекрасноволосого, отправился в Хольмгард с торговыми целями. Поскольку он ехал по просьбе конунга за

© 2019 г. Е.А. Мельникова

<sup>1</sup> Morkinskinna // Ármann Jakobsson ok Þórður Ingi Guðjónsson gáfu út. (Íslenzk fornrit, XXIII—XXIV). B. 1. Reykjavík, 2011. Bls. 7—8. Текст и перевод на русский язык см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 394 (текст), 401 (перевод).

<sup>2</sup> Мельникова Е.А. «Немирье» между Свейном и Яришлейвом: русско-норвежские отношения второй половины 1020-х — первой половины 1030-х годов // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 91—106.

<sup>3</sup> Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 296 (текст), 308 (перевод).

«некоторыми драгоценностями, дорогими и редкими в наших землях», то «разрешил конунг своим людям, [тем, что] до этого были с ним, отправиться в другие страны. Хаук плывет теперь на одном корабле и с хорошими спутниками, и приплывает осенью на восток в Хольмгард»<sup>4</sup>.

Хотя таких развёрнутых описаний немного, военные походы — преимущественно в восточноприбалтийские земли (Эйстланд, Курланд и др.) начиная с VII в. — и торговые поездки — преимущественно на Северо-Запад Восточной Европы начиная со второй половины IX в. — упоминаются в сагах многократно<sup>5</sup>. Их совокупность рисует картину спонтанных, мотивируемых только личной инициативой, но достаточно частых поездок из всех областей Скандинавии (меньше всего мы знаем о поездках датчан). Выделяются люди, неоднократно посещавшие Восточную Европу, как, например, торговец-исландец Бьёрн-Шкура, получивший второе прозвище *Hólmgarðsfari* (от глагола *fara* «ездить, путешествовать»), потому что «он был великим путешественником, Ездоком-в-Хольмгард и купцом, часто ездил на восток» в последней четверти IX в.<sup>6</sup>, или исландец же, но профессиональный воин Гарда-Кетиль, как минимум дважды (а скорее, большее число раз, судя по его прозвищу) побывал на Руси: в дружине Эймунда Хрингссона и в войске Ингвара Путешественника, или норвежский купец Гудлейк Гардский (*Gerzki*), который «был великим мореходом и купцом, богатым человеком, и совершал торговые поездки в разные страны. Он часто плавал на восток в Гардарики, и был он по этой причине прозван Гудлейк Гардский»<sup>7</sup>.

Как явствует из приведённых и других сообщений, собиравшиеся для поездки в Восточную Европу отряды были невелики: купцы, как правило, обходились одним кораблём<sup>8</sup>, военные предприятия собирали два-пять, редко больше, кораблей. Состав отряда мог быть более или менее однороден: в дружине Эймунда, вероятно, участвовали только норвежцы (или их было большинство). В других случаях к исландцам, норвежцам или свеям, инициаторам поездки, могли присоединяться жители других областей и даже стран. Так, в команде норвежцев Карла и Бьёрна находились датчане и англичане, а также «люди с юга» — вероятнее всего, немцы, но не исключено, что так могли быть названы поморские славяне (например, ободриты, жившие восточнее Ютландского

<sup>4</sup> Там же. С. 625 (текст), 626—627 (перевод).

<sup>5</sup> Там же. Passim; Мельникова Е.А. Эпоха Владимира в древнескандинавской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М., 2017. С. 410—417.

<sup>6</sup> Литовских Е.В. Древнерусско-исландские связи в X—XIII вв.: Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 184—189. Трудно сказать, что в данном случае имеется в виду под *Hólmgarðr*. Новгорода в это время ещё не существовало. Городище, которое безусловно функционировало во второй половине IX в., было не торговым, а военно-административным центром. Главным торговым узлом являлась Ладога, хорошо известная скандинавам под названием *Aldeýgja*. Возможно ли, что изначальное прозвище *Garðs-* (или *Garða-*) *fari* было расширено в *Hólmgarðsfari* (см.: Джаксон Т.Н. Хольмгардсфари, или туда и обратно // Одиссей. 2009. С. 43—57) по аналогии с прозвищем, распространённым в XI в., когда Новгород превратился в крупный город, или вообще было присоединено к имени Бьёрна не при его жизни, а позднее, уже в устной передаче рассказов о нём, опять же под влиянием обычного *Hólmgarðsfari*?

<sup>7</sup> Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 264 (текст), 273 (перевод).

<sup>8</sup> Ср. надпись на руническом камне из Мервалла, установленном в память о некоем Свейне, который «часто плавал в Земгалию на корабле с дорогими товарами» (Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. Б-III.5.13. С. 307).

полуострова) или фризы (жившие к западу). Крайне существенна отмечаемая источниками неоднократность поездок одного и того же человека «на восток», засвидетельствованная в том числе и прозвищем с *-fari*, что позволяет предположить, что не только в Свеаланде, но и в более отдалённых регионах скандинавского мира, в Норвегии и Исландии, выделялись купцы, специализировавшиеся на восточноевропейской торговле, причём эта специализация произошла уже в IX в., на что указывает прозвище исландца Бьёрна.

Сообщения письменных источников дают вполне адекватное представление о том, как организовывались поездки в Восточную Европу, каков был состав их участников, но, будучи достаточно редкими, эти рассказы не отражают реальные масштабы потока скандинавов, хлынувшего в IX—X вв. на восток.

О размерах этого потока свидетельствуют данные нумизматики. Около 70 тыс. восточных монет было найдено к 2013 г. в 351 кладе IX—X вв. на о. Готланд, около 20 тыс. монет — в 117 кладах в материковой Швеции<sup>9</sup>; на территории Восточной Европы известно 227 кладов дирхемов<sup>10</sup>. Обнаруженные клады — лишь верхушка айсберга: ежегодно и в Скандинавии, и в Восточной Европе обнаруживается несколько новых кладов, подчас огромных, как например, монетно-вещевой клад IX в. из Спиллингса (о. Готланд), найденный в 1999 г. и содержавший 67 кг серебряных спиралей, слитков, монет, украшений<sup>11</sup>, или открытый в 1973 г. у деревни Козьянки Полоцкого района (Беларусь) клад 940-х гг. с 7 588 дирхемами общим весом около 20 кг<sup>12</sup>. Однако клады составляют лишь незначительную часть монетного серебра, поступавшего в Восточную и Северную Европу из Арабского халифата: большая его часть, как считается, переплавлялась и шла на изготовление украшений<sup>13</sup> и других предметов, включая чеканку (пусть и скромную) собственной монеты. По крайне приблизительным подсчётам, на протяжении двух столетий в Восточную и Северную Европу поступило от 1,4 до 1,5 тыс. т серебра, что составляет примерно 500 млн дирхемов<sup>14</sup>. Ежегодный приток серебра в эти столетия достигал в среднем 7—7,5 т (около 2—2,5 млн монет)<sup>15</sup>. Экономическое и социально-политическое значение этого мощного потока драгоценного металла трудно переоценить: он обеспечил формирование на Севере и Востоке Европы «экономики

<sup>9</sup> По сообщению профессора К. Йонссона (Стокгольмский университет) в письме от 27.09.2013 г. Им учтены клады, в которых имеется более 10 монет. За истекшие шесть лет число кладов существенно увеличилось.

<sup>10</sup> См. карты и перечни восточноевропейских кладов, составленные В.С. Кулешовым для VIII—IX вв. и А.А. Гомзиным для X в.: Русь в IX—X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387—393.

<sup>11</sup> The Spillings Hoard — Gotland's Role in Viking Age World Trade. Lund, 2009.

<sup>12</sup> Добровольский И.Г., Рябцевич В.Н. Козьянковский клад куфических дирхемов // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 5. М., 1999. С. 295—298.

<sup>13</sup> Eniosova N., Mitoyan R. Arabic Coins as a Silver Source for Slavonic and Scandinavian Jewelers in the Tenth Century AD // Proceedings of the 37<sup>th</sup> International Symposium on Archaeometry, 13<sup>th</sup> — 16<sup>th</sup> May 2008, Siena, Italy. Berlin; Heidelberg, 2011. P. 579—584.

<sup>14</sup> Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 321—324.

<sup>15</sup> Эта цифра крайне условна и не учитывает динамику поступления серебра, существенно различавшуюся в IX и X вв., а также временные спады и подъёмы количества и размера выпадавших кладов.

серебра» (денежно-весового обращения)<sup>16</sup> и стимулировал зарождение политических образований вдоль его пути в Скандинавию и в самой Скандинавии<sup>17</sup>.

Транспортировка такой массы серебра могла быть достигнута только при многочисленности отрядов, ежегодно отправлявшихся на восток. Ибн Фадлан отмечал большое количество купцов-русов в Булгаре. По его словам, прибывающие русы «строят на её [реки Атыл] берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном [таком] доме десять и двадцать, — меньше или больше»<sup>18</sup>. Даже если каждая команда строила для себя отдельный большой дом — а из последующего рассказа, как кажется, следует, что в одном доме размещалось несколько купцов<sup>19</sup>, — то и в этом случае во время пребывания там ибн Фадлана остановившихся в Булгаре отрядов было несколько. О прибытии нескольких кораблей одновременно говорит и его рассказ о жертвоприношениях, которые совершали купцы ради успешной торговли<sup>20</sup>. В описанных им похоронах богатого руса участвовало большое количество людей, как родичей умершего<sup>21</sup>, так и не связанных с ним родством. Особый интерес представляет присутствие некой старухи — «ангела смерти», которая руководила обрядом погребения. Из повествования ибн Фадлана остаётся неясным, откуда она взялась в Булгаре: прибыла с одним из кораблей русов или находилась здесь постоянно, что предполагало бы существование более или менее постоянной колонии русов в этом торговом центре. Но в любом случае из рассказа арабского путешественника явствует, что в Булгар ежегодно прибывало далеко не одно торговое судно с севера.

Каждый из купцов вёл самостоятельную более или менее успешную торговлю. Ибн Фадлана заинтересовали только рабыни, но по другим источникам известно, что круг товаров был значительно шире: пушнина, а также франк-

---

<sup>16</sup> Silver Economy in the Viking Age. Walnut Creek (CA), 2007.

<sup>17</sup> Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 15—34.

<sup>18</sup> Ибн Фадлан. Рисала / Пер.Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2000. С. 69.

<sup>19</sup> Ср. раскопанные в Старой Ладоге «большие дома», которые ранее уверенно интерпретировались как купеческие помещения; позднее была предложена их интерпретация как «дворцов» ладожского правителя: Рябинин Е.А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 15—29.

<sup>20</sup> Ибн Фадлан. Рисала. С. 70.

<sup>21</sup> Ибн Фадлан несколько раз упоминал «семью» и родственников умершего руса. Однако присутствие «семьи», т.е. прежде всего женщин (помимо предназначенных для продажи рабынь), представляется весьма сомнительным, поскольку участие женщин в военных или торговых предприятиях не отмечается в королевских или родовых сагах (ср., впрочем, участие гренландки Фрейдис в плаваниях в Северную Америку в «Саге о гренландцах»). На возможно активную роль женщин в торговле могут указывать находимые в женских погребениях весы и гири (см.: Стальсберг А. Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация) // Stratum plus. 1999. № 5. Неславянское в славянском мире. СПб.; Кишинёв; Одесса. С. 158—163). Родственники-мужчины подчас участвовали в одном походе, но далеко не всегда. Возможно, что таким образом арабский путешественник осмыслил квазиродственные связи, устанавливавшиеся при образовании «товарищества» — *félag* (от *liggia fé* «складывать имущество») членами одного отряда (Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в Северной Европе // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 345—353).

ские мечи высоко ценились в арабском мире<sup>22</sup>. Результатом удачных торговых сделок могло быть несколько десятков тысяч монет: «Если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один [ряд], а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], они прибавляют [ряд] мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист»<sup>23</sup>. При среднем весе дирхема 3 г, 10 тыс. монет весили не менее 30 кг, т.е. один купец мог увозить домой 100 и более кг серебра. Однако, видимо, такое богатство выпадало на долю купцов нечасто: большие клады, насчитывающие несколько тысяч монет, редки даже в периоды наиболее интенсивного их выпадения во второй половине IX — первой половине X в., чаще они содержат от нескольких десятков до нескольких сотен дирхемов.

Важным фактором, лимитирующим величину транспортируемого серебра, были размеры и грузоподъемность судов, использовавшихся скандинавами при плаваниях по рекам Восточной Европы. По общему мнению, в Ладоге (а возможно, и в Пскове) морские суда менялись на речные, с менее глубокой осадкой. По свидетельству Константина Багрянородного, в середине X в. для торговых плаваний в Византию росы использовали суда на однодревной основе с нашивными бортами. Их вес (без груза) позволял переносить их по суше в обход некоторых днепровских порогов<sup>24</sup>. В то же время суда росов должны были быть пригодны и для морского (пусть и каботажного) плавания: дополнительно оснащённые, они преодолевали путь от устья Днепра до Константинополя. Исходя из этих сведений, можно полагать, что по крайней мере большинство использовавшихся купцами кораблей имели небольшие размеры. По археологическим и этнографическим данным, размер такой ладьи не превышал 20 м (при осадке 0,6—0,7 м), а максимальная грузоподъемность составляла 2,4—4 т<sup>25</sup>. Скандинавским аналогом подобной ладьи был *karfi*, уменьшенный в длину, но несколько расширенный в средней части вариант «длинного корабля», достигавший в длину также 15—20 м и примерно такой же грузоподъемности<sup>26</sup>. Этот тип парусно-гребного судна предназначался для транспортировки грузов и людей, плаваний по мелководью и вдоль побережья, но не для океанских походов, как значительно более крупный кнар (*knörr*). Количество гребцов могло доходить до 12 пар, как на корабле из Туне<sup>27</sup>. Вероятно, такого типа корабли не требовали замены для плавания по рекам и могли широко использоваться скандинавскими купцами при поездках в Восточную Европу. При этом вряд ли на одном таком корабле могло плыть более 30 человек с товарами, в числе которых были рабы. Разумеется, не все купцы совершали плавание из Бирки до Булгара. Некоторые, вероятно, проводили несколько лет в Восточной Европе, осуществляя торговые операции между Ладогой и Булгаром, но всё равно количество ежегодно перемещавшихся по речным путям отрядов оставалось чрезвычайно велико и, вероятно, исчислялось не одним десятком.

<sup>22</sup> См., например: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и государств / Пер. Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 30.

<sup>23</sup> *Ибн Фадлан*. Рисала. С. 69.

<sup>24</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С. 45.

<sup>25</sup> *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997. С. 87.

<sup>26</sup> *Simek R.* Die Schiffe der Wikinger. Stuttgart, 2014. S. 71—87.

<sup>27</sup> Корабль из погребения в Туне (Норвегия) около 900 г. считается типичным примером *karfi* (*Marstrander S.* Tuneskipet. Sarpsborg, 1999).



Многочисленность отрядов, отправлявшихся в Восточную Европу, приводила к конфликтам между ними. «Прядь о Хауке Длинные Чулки»<sup>28</sup> рассказывает о столкновении Хаука, посланного в Хольмгард Харальдом Прекрасноволосым (конец IX — первая треть X в.), с купцами из Свеаланда на рынке из-за драгоценного плаща; с отрядом тех же купцов-свеев Хауку пришлось вступить в бой, из которого он вышел победителем, во время поездки в Бьярмаланд. Другой норвежский купец, Гудлейк Гардский, был убит, возвращаясь из торговой поездки в Хольмгард (1017—1019)<sup>29</sup>. Наглядным примером возможной судьбы викингских отрядов является обнаруженное в 2008 и 2010 гг. захоронение в Сальме (о. Сааремаа, Эстония): в большей из двух ладей были погребены более 40, в меньшей — 7 воинов, погибших в бою в первой половине VIII в. По остеологическим данным, они являлись выходцами из Средней Швеции (Свеаланда) и, скорее всего, пали от рук местных жителей-эстов<sup>30</sup>.

Стихийный поток скандинавских охотников за пушниной<sup>31</sup>, а затем торговцев вглубь Восточной Европы к середине VIII в. (т.е. еще до начала собственно эпохи викингов) стал настолько велик, что потребовал постоянного поселения, где прибывавшие отряды могли отдыхать, ремонтировать или заменять свои суда, приобретать товары для вывоза на Север и в Западную Европу. Таким восточным форпостом североморско-балтийской системы коммуникаций стала Ладога, древнейшая постройка которой датируется, по данным дендрохронологии, 753 г., со смешанным скандинаво-финским населением, к которому вскоре присоединились славяне<sup>32</sup>. В это время — судя по отсутствию восточных импортов, в том числе дирхемов, но присутствию предметов североевропейского и фризского происхождения — Ладога, еще маленькое поселение, состоявшее из одной или нескольких усадеб<sup>33</sup>, была ориентирована на западную торговлю. Выход на Среднюю Волгу и связи с арабским миром устанавливались на протяжении второй половины VIII в.: первые два клада дирхемов в Восточной Европе с младшими монетами 786/87 и 787/88 гг. обнаружены в самой Ладоге, здесь же и на выходе в Финский залив концентрировались клады последующих

<sup>28</sup> Hauks þáttir hábrókar включена в состав «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» по рукописи «Flateyjarbók». Текст и перевод см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 625—629.

<sup>29</sup> Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 264 (текст), 273—274 (перевод), 327—329 (комментарий).

<sup>30</sup> Peets J., Allmäe R., Maldre L. Pre-Viking Age Complex of Burial Boat in Salme Village. Archaeological Investigations in 2010 // Archaeological Fieldwork in Estonia 2010. Tallinn, 2011. P. 29—48; *Idem*. Research Results of the Salme Ship Burials in 2011—2012 // 2013, January (URL: [https://www.researchgate.net/publication/269403778\\_RESEARCH\\_RESULTS\\_OF\\_THE\\_SALME\\_SHIP\\_BURIALS\\_IN\\_2011-2012](https://www.researchgate.net/publication/269403778_RESEARCH_RESULTS_OF_THE_SALME_SHIP_BURIALS_IN_2011-2012)); Allmäe R., Maldre L., Tomek T. The Salme I Ship Burial: An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe // Interdisciplinaria archaeologica. Natural Sciences in Archaeology. 2011. Issue 2. P. 109—124 (URL: <http://www.iansa.eu/papers/IANSA-2011-02-allmae.pdf>). Дата обращения: 12.05.2018).

<sup>31</sup> Noonan Th. Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. N. F. Bd. 34. H. 3. P. 321—348. Свидетельством ранних посещений скандинавами Приладожья служит стоянка охотников-скандинавов на о. Риеккалу у северо-западного побережья Ладожского озера (Kivikoski E. Svenskar i österled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15).

<sup>32</sup> Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 69—94. Необходимо отметить, однако, что уже с начала VIII и до середины IX в. в 2 км от Ладоги ниже по течению Волхова располагалось славянское Любшанское городище (Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196—203; Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 460—462).

<sup>33</sup> Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья... С. 74—75.

двух десятилетий<sup>34</sup>. Появление кладов восточных монет свидетельствует о том, что североморско-балтийский морской и восточноевропейский речной пути объединились в цельную трансевропейскую магистраль, которая, судя по динамике выпадения кладов, использовалась всё интенсивнее. Возникновение на рубеже VIII—IX вв. в Поволховье и Приильменье поселений (Холопий городок, Георгий, Сергов городок и др.)<sup>35</sup> свидетельствует о формировании инфраструктуры, обеспечивавшей деятельность купцов.

Появление в середине IX в. (может быть, несколько раньше)<sup>36</sup> укрепленного «Рюрикова» городища — военного и ремесленного поселения, перекрывавшего в стратегически ключевом месте переход из Волхова в Ильмень, откуда расходились реки на восток и на юг, знаменует принципиально новый этап в социально-политической и экономической жизни региона. С одной стороны, находившийся в нём скандинавский военный гарнизон обеспечивал власть его предводителя над округой, что создавало предпосылки для возникновения в регионе надплеменного политического образования, включавшего финское и славянское население и получившего в советской литературе наименование «северной конфедерации племён»<sup>37</sup>, позднее — Волховско-Ильменской политики<sup>38</sup>. С другой стороны, стратегическое положение «Рюрикова» городища и расположенного ниже по течению Волхова поселения Холопий городок позволяло надёжно контролировать движение из Волхова в Ильмень и обратно и регулировать если не сам стихийный поток торговцев (что было вряд ли возможно), то торговлю — в первую очередь обеспечить безопасность купцов и их товаров, а также наладить сбор пошлин с проплывавших кораблей. Не случайно именно от конца IX в. дошли первые сведения об упорядочении торговли русов. Основывавшийся на «Анонимной записке», составленной в 870—890-е гг., ибн Русте сообщал, что русы, «единственное занятие» которых — «торговля соболями, белками и прочей пушниной» и которые «с рабами обращаются хорошо, заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]», покровительствуют приезжающим: «Гостям оказывают почёт, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, как и с теми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто обидит или притеснит чужеземца, то помогают ему и защищают его»<sup>39</sup>. Очевидно, «гостями» и «чужеземцами» были купцы-

<sup>34</sup> См. карту восточноевропейских кладов, составленную В.С. Кулешовым для VIII—IX вв.: Русь в IX—X вв. ... С. 387—389.

<sup>35</sup> Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. Из Холопья городка происходит клад с младшей монетой чеканки 810 г. (Гайдуков П.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А., Янин В.Л. Новый клад куфических монет X в. из Новгорода // Восьмая всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 55—56).

<sup>36</sup> Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017. С. 27. С учётом находки клада начала 810-х гг. в Холопьем городке авторы полагают, что Рюриково городище могло существовать уже в это время (Там же. С. 24).

<sup>37</sup> Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55—67; Пауцто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103—114.

<sup>38</sup> Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований...

<sup>39</sup> Ибн Русте. Книга дорогих ценностей / Пер. Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 48—49.

скандинавы<sup>40</sup>, стремившиеся в Волжскую Булгарию, где происходил основной сбыт их товаров<sup>41</sup> (хотя некоторые из них добирались до Итиля, Джурджана и даже до Багдада, как свидетельствуют ибн Хордадбех<sup>42</sup> и другие арабские писатели). Оказание помощи купцам и защита их от возможных притеснений могли осуществляться только при наличии достаточно сильной центральной власти в регионе, способной поддерживать порядок и разрешать споры между купцами и между ними и местным населением. И ибн Хордадбех, и ибн Русте, и ибн Хаукал сообщили о пошлинах, которые купцы-русы выплачивали в посещаемых ими торговых центрах, причём практика налогообложения купцов к концу IX в. была знакома русам настолько хорошо, что они могли находить уловки для снижения размера пошлин, например, выдавая себя за христиан<sup>43</sup>. Вряд ли эта общепринятая практика ускользнула от внимания правителей Волховско-Ильменской политики, контролировавших путь между Балтийским морем и выходом на Восточноевропейскую равнину, хотя прямое сообщение о торговых пошлинах, взимаемых «царём русов», содержится только в сочинении Гардизи, писавшего в середине XI в., но черпавшего информацию из той же «Анонимной записки» конца IX в., а также из недошедших до нас трудов ибн Хордадбега и ал-Джайхани: «Царь их взимает с торговли  $\frac{1}{10}$  часть»<sup>44</sup>.

Таким образом, в VIII—X вв. восточное направление деятельности скандинавов в Восточной Европе определялось их торговыми интересами. Военные походы, видимо, в связи с их сложностью и отдалённостью привлекательных целей, были редки<sup>45</sup>. Немногочисленные импорты восточных предметов (посуды, украшений, тканей) оседали по преимуществу в Восточной Европе и почти не попадали на север<sup>47</sup>. Возвращавшиеся на родину купцы везли с собой прежде всего серебро, что отмечали ещё ибн Русте («Получают они плату деньгами и завязывают их в свои пояса»<sup>48</sup>) и ибн Фадлан, указавший, что купцы-русы измеряют своё богатство количеством дирхемов<sup>49</sup>. Стихийный поток скандинавов на восток, вероятно, не регулировался на протяжении всего этого времени, но можно полагать, что по крайней мере со второй половины или конца IX в. установившие контроль над Волховско-Волжским путём вожди, а затем новгородские князья, сыновья киевских великих князей, взимали торговые пошлыны, обеспечивая со своей стороны безопасность купцов и их товаров.

<sup>40</sup> Ср.: Новосельцев А.П. Восточные источники // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. С. 310.

<sup>41</sup> *Hraundal Th.J.* New Perspectives on Eastern Vikings/Rus in Arabic Sources // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2014. Vol. 10. P. 72. Ср. сообщение ибн Хаукаля о «многочисленных приездах хорезмийцев к булгарам» (*Ибн Хаукал*. Книга путей и стран / Пер. Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 92).

<sup>42</sup> *Ибн Хордадбех*. Книга путей и государств. С. 30—31.

<sup>43</sup> Там же. С. 31.

<sup>44</sup> *Гардизи*. Краса повествований / Пер. А.П. Новосельцева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 59. См.: Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 313.

<sup>45</sup> *Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 111—120.

<sup>46</sup> *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976; *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 83—88.

<sup>47</sup> *Duczko W.* Viking Age Scandinavia and Islam — An Archaeologist's Point of View // *Byzantium and Islam in Scandinavia*. Acts of a Symposium at Uppsala University June 15—16 1996 / Ed. E. Piltz. Jönsered, 1998. P. 107—116.

<sup>48</sup> *Ибн Русте*. Книга дорогих ценностей. С. 48.

<sup>49</sup> См. примеч. 23.



Однако монополия этого пути была недолгой. Вероятно, уже в первой половине IX в. началось освоение второго важнейшего направления экспансии скандинавов — южного, конечной целью которого была Византия. Первые сообщения о появлении росов в Византии датируются 830-ми гг.: нападение на Амастриду<sup>50</sup> и прибытие послов к императору Феофилу от некоего «кагана»<sup>51</sup>. К середине IX в. путь к Чёрному морю был достаточно хорошо известен (судя по походу 860 г.), что сказалось на возрастании роли Киева и возникновении там к концу столетия эмпория на р. Почайне<sup>52</sup>. О стабильном и интенсивном функционировании Балтийско-Днепровского пути свидетельствовало появление торгово-ремесленного центра в Гнёздове на рубеже IX—X вв.<sup>53</sup> К началу X в. скандинавы, пришедшие из «северной» политики, прочно обосновались в Среднем Поднепровье и установили постоянные связи с Византией.

Характер этих связей, однако, как свидетельствуют византийские и восточные источники, оказался существенно иным, нежели на востоке. Торговля являлась важным стимулом поездок в Византию — о торговле русов в Руме (Византии) сообщает уже ибн Хордадбех<sup>54</sup>. Однако, с одной стороны, торговля русов не позднее начала X в. монополизировалась киевской русью, поскольку, как следует из описания «образа жизни» росов Константином VII Багрянородным, сбыт получаемых в виде даней продуктов и рабов являлся основой экономики новой военной элиты<sup>55</sup>. Можно предположить, что контролировавшие днепровский путь киевские власти вряд ли приветствовали независимые купеческие отряды с севера, которые составляли бы им конкуренцию: не случайно при многочисленности упоминаний о поездках скандинавов в Византию в X—XI вв., практически нет сведений о плаваниях туда с торговыми целями, а количество византийских монет в Скандинавии — около 700 серебряных милиарисиев (около 500 на Готланде, 100 — в материковой Швеции, 50 — в Дании) и несколько золотых номисм (на Готланде)<sup>56</sup> — мизерно по сравнению с восточным серебром.

<sup>50</sup> Житие Георгия Амастридского // *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Вып. 2. Житие свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893. С. 64. О датировке Жития см.: *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 121—125.

<sup>51</sup> *Annales Bertiniani*. P., 1964. P. 28—30. См.: *Shepard J.* The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // *Early Medieval Europe*. 1995. Vol. 4. P. 41—60; *Назаренко А.В.* «Король их именуется хаканом, а народ называется рос...»: «Бертинские анналы» // *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 2013. С. 277—278.

<sup>52</sup> *Sahaydak M.* Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. 2005. № 4. P. 139—160; *Сагайдак М.А.* (при участии В.В. Мурашёвой и В.Я. Петрухина). К истории градообразования на территории Древней Руси. VI — первая половина XI в. // *История русского искусства*. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XI в. М., 2008. С. 100—108.

<sup>53</sup> *Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашова В.В.* Гнёздово — раннегородской центр Верхнего Поднепровья периода образования Руси // *Русь в IX—X вв. ...* С. 270. Впрочем, в последние годы наметилась тенденция удвевнять время возникновения Гнёздовского поселения (*Фетисов А.А.* К вопросу о нижней дате Гнёздовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // *Грани гуманитарного знания*. Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Шавелева. Курск, 2013. С. 111—117).

<sup>54</sup> *Ибн Хордадбех*. Книга путей и государств. С. 30.

<sup>55</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 50—51. См. подробно: *Мельникова Е.А.* Экономические системы в эпоху возникновения государства. Древняя Русь и Скандинавские страны // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2015: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 374—389.

<sup>56</sup> *Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T.* Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm; L., 1989 (*Commentationes de Nummis Saeculorum IX—XI in Suecia repertis*. Nova Series. T. 2).

С другой стороны, византийские власти жёстко регулировали торговлю на своей территории. Купцы-русы, попадая в Константинополь, оказывались под контролем правительственных чиновников, которые составляли списки прибывших, определяли место для их постоя — квартал св. Маманта, количество купцов, имеющих право одновременно находиться в городе — 50 человек без оружия и под надзором «царского мужа», размер «месячины» и прочего (зафиксировано в договоре под 907 г.)<sup>57</sup>. Устанавливался правительством и размер пошлин: ибн Хордадбех отмечал, что «берёт с них [русов] десятину властитель Рума»<sup>58</sup>, в русско-византийском договоре под 907 г. купцы освобождались от всех налогов («не платяче мыта ни в чем же»), по договору 944 г. пошлина предусматривалась, но не оговаривалась в самом тексте. Регламентация торговой деятельности русов таким образом осуществлялась извне, византийскими властями.

Вероятные затруднения прохода скандинавских купцов через Киев, а также острая потребность византийцев в сильной армии и флоте в условиях борьбы с арабами обусловили интенсивность военной деятельности скандинавов в Византии — наёмничество. Разумеется, в X в. отряды викингов нанимались на службу к английским и франкским королям, но, судя по скандинавским источникам, масштабы наёмничества на западе и юго-востоке Европы существенно различались. Уже первые, достаточно редкие сообщения о скандинавах в Византии в исландских родовых и королевских сагах говорят об их поступлении «под руку» императора<sup>59</sup>; со временем таких упоминаний становится всё больше, а на протяжении XI в. память о «варангах» запечатлена на 32 рунических камнях (ср.: о поездках в Англию говорят 30 памятников, часть из которых относится к одному событию: завоеванию Англии Кнудом Великим)<sup>60</sup>. В византийских источниках первое — «географо-этимологическое» — упоминание росов, которые названы «дромитами», помещено в описание событий 904 г. в «Хронике Псевдо-Симеона»<sup>61</sup>: вероятно, победы патрикия Имерия над арабским флотоводцем Львом Триполитом. С военными действиями Имерия в Сирии и на о. Крит в 910—911 гг. связано следующее сообщение о 700 росах, которые участвовали в его морском походе<sup>62</sup>. Примерно в то же время император Лев VI Мудрый (ум. в 912 г.) в разделе «Наумахика» своего трактата «Тактика» (904—912) указывал, что росы прибывали в Византию по рекам

<sup>57</sup> ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 31; I trattati dell'antica Russia con l'Imperio romano d'Oriente. Roma, 2011. P. 17—18.

<sup>58</sup> Ибн Хордадбех. Книга путей и государств. С. 30.

<sup>59</sup> *Sigfus Blöndal, Benedikt S. Benediktz. The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History. Cambridge, 1978; Scheel R. Skandinavien und Byzanz. Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Theil 1. Göttingen, 2015.*

<sup>60</sup> Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 44, 353.

<sup>61</sup> Symeonis Magistri et Logothetae Cronicon / Rec. S. Wahlgren. B.; N.Y., 2006. S. 84\*—91\*, 139\*. См. подробно: Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. СПб., 2001. С. 15—25; Шавелев А.С. Держава Рюриковичей в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 86—87.

<sup>62</sup> *Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies / Transl. by A. Moffart, M. Tall with Greek edition of CSHB (Bonn, 1829). Vol. 2. Book II. Canberra, 2012. P. 651—652, 654. См.: Zuckerman C. On the Byzantine Dromon (with a Special Regard to De Cerim. II, 44—45) // Revue des études byzantines. 2015. Vol. 73. P. 73—91.*

Восточной Европы<sup>63</sup>. Позднее росы находились в составе византийского флота: в действиях против лангобардов в 935 г. при императоре Романе Лакапине (семь кораблей с 415 воинами) и в неудачном критском походе 949 г. при Константине VII Багрянородном (девять кораблей с 629 воинами)<sup>64</sup>. Константин упоминает также «крещёных росов» (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς) на византийской службе в 946 г.<sup>65</sup>

Практика найма росов на военную службу, судя по этим сообщениям, была широко распространена и закреплена в договоре 911 г.: «Егда же требуеть на воину ити, и сии хотять почтити царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотять остати у царя вашего своею волею, да будутъ»<sup>66</sup>. Этой статьей русская сторона подтверждала, что не будет чинить препятствий отрядам, собиравшимся служить в Византии. Её включение в договор указывает на крайнюю заинтересованность византийских властей в дополнительных военных контингентах. Но одновременно византийцы опасались и разбойных нападений росов на свои владения, вероятно, далеко не столь редких, как это представляют древнерусские и византийские источники. И если нанявшиеся на службу русы вынуждены были подчиняться отработанной веками армейской дисциплине<sup>67</sup>, то отдельные их отряды не подчинялись никому и могли нанести существенный урон и крымским, и восточночерноморским владениям Византии. Отражением беспокойства этими набегами является статья в тексте договора, помещённого под 907 г., где делается попытка возложить на киевского князя ответственность за «благонадёжность» прибывающих русов: «да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей»<sup>68</sup>. Это условие не конкретизировано и выглядит, скорее, общим пожеланием: если киевский князь мог запретить своим дружинникам, отправлявшимся в Константинополь для торговли, грабить встречавшиеся на пути поселения и города (впрочем, неясно, насколько действенным было для них его «слово»), то трудно представить себе, каким образом он мог «своим словом», пусть и подтверждённым силой его дружины, воспрепятствовать проходу вооружённых отрядов с севера даже мимо Киева, не говоря уже о других возможных выходах в Чёрное море.

Эта попытка, видимо, успеха не принесла (да и вряд ли могла принести ввиду ограниченности княжеской власти в то время), поэтому в следующем договоре, 944 г., статья о свободном доступе воинов-росов в Византию для военной службы изъята, а статья о запрете грабежей повторена, но в существенно расширенном виде. В ней предусмотрены и подробно перечислены конкретные меры контроля за приезжающими в Византию русами: «А великий князь руский и боляре его да посылають въ греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати

<sup>63</sup> Щавелев А. С. Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 236—250.

<sup>64</sup> *Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies.* P. 660—678.

<sup>65</sup> *Ibid.* P. 579.

<sup>66</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 36; *I trattati...* P. 33.

<sup>67</sup> Впрочем, дисциплинированность росов была весьма относительна даже и в XI в.: достаточно вспомнить конфликт Харальда Сигурдарсона (будущего короля Норвегии) с византийским полководцем Георгием Маниаком. См.: *Sigfús Blöndal, Benedikt S. Benediktz. The Varangians of Byzantium...* P. 65—71.

<sup>68</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31; *I trattati...* P. 18.

грамоту ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ [посли] и гостье, да приносять грамоту, пишуче сице: яко “послахъ корабль селько”. И от тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходить. Аще ли безъ грамоты придуть и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять... Да запрѣтитъ князь словомъ своимъ и приходящимъ руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ ни въ странѣ нашей»<sup>69</sup>. Эта статья примечательна в нескольких отношениях.

Во-первых, речь в ней идёт исключительно о послах и купцах, которых русский князь сам посылал в Византию, а не о неких самостийно «приходящих» русах, независимых торговцах, воинских отрядах или отдельных викинг-гах, собирающихся наняться на службу в империю. Тем самым устанавливалось жёсткое регулирование киевской властью поездок в Византию, контроль над которыми князь, очевидно, уже был в состоянии осуществлять. Торговые и дипломатические контакты с Византией, таким образом, становились прерогативой великокняжеской власти<sup>70</sup> и переходили на межгосударственный уровень. Показательно, что регламентации подвергались не только дипломатические сношения (что естественно), но и торговля — в силу её огромного значения для киевской военной элиты как одного из главных источников её доходов.

Во-вторых, к середине X в. упорядочением русско-византийских связей заинтересовалась и русская сторона. Принципиально важное значение имело то, что инициатива введения «удостоверительных грамот» принадлежала самому киевскому князю: «Ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему»<sup>71</sup>. Контроль над торговлей с Византией предотвращал «утечку» прибыли и позволял концентрировать доходы от неё в княжеской казне.

В-третьих, в договоре детально прописан механизм удостоверения «благонадёжности» приезжающих из Руси. Вместо золотых (для послов) и серебряных (для купцов) «печатей» — безличных и потому доступных для «несанкционированного» использования — они должны были теперь иметь сопроводительную грамоту, письменный документ<sup>72</sup> стандартизированного содержания: «послахъ корабль селько». Текст грамоты прямо указывает на то, что поездки совершались с разрешения верховной власти Руси.

В то же время империя продолжала нуждаться в наёмниках из Северной и Восточной Европы и привлекать их на службу, что явствует из византийских и скандинавских источников (пик службы скандинавов приходится на XI в.). Однако достигавшие Византии военные отряды одновременно представляли угрозу безопасности прибрежных городов и поселений. Именно это, очевидно, заставило византийские власти отказаться от практики найма тех, кто придут сами и «хотять почтити царя вашего... и хотять остати у царя вашего своею волею» (как оговорено в тексте под 907 г.). Значительно возросшие возможности киевского князя позволили перейти к новым формам привлечения наёмников и борьбы с неконтролируемыми русским князем отрядами. В договоре 944 г.

<sup>69</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 48; I trattati... P. 70—71.

<sup>70</sup> Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 241—242.

<sup>71</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 48; I trattati... P. 70.

<sup>72</sup> Это условие — важнейшее свидетельство использования письменности на Руси (греческой или славянской кириллической?) ещё до принятия христианства, а также появления княжеской канцелярии (с писцами греками, болгарам или русами?).

предусмотрен не просто приём на службу случайных воинских групп, как в 907 г., а целенаправленное рекрутирование наёмников на Руси, причём — что очень важно — осуществляемое через киевского князя: «Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ»<sup>73</sup>. Как и в случае с «верительными грамотами» послов и купцов, приглашение наёмников требовало письменного запроса от императора и, вероятно, письменного же подтверждения лояльности направляемого киевским князем контингента. Эта практика засвидетельствована Повестью временных лет уже в ближайшем десятилетии после заключения договора: в числе договорённостей, достигнутых княгиней Ольгой во время её поездки в Константинополь, была отправка в Византию военной помощи: «Присла к ней царь гречьский, глаголя, яко “Много дарихъ ты. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще възвращюся в Русь, многи дары прислюти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь”»<sup>74</sup>. Примерно 30 годами позже Владимир отправил Василию II контингент в 6 тыс. воинов, также по просьбе императора. Письменное уведомление послал он Василию и в 978 г., отсылая в Византию взбунтовавшихся варягов, которые принимали участие в захвате Киева: «И посла пред ними слы, глаголя сице царю: “Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разнo, а сѣмо не пушай ни единого”»<sup>75</sup>. В рассказах исландских саг о службе исландцев или норвежцев в Византии иногда отмечалась их предварительная служба на Руси. Так, Барди в 1022—1025 гг. служил некоторое время на Руси, прежде чем отправиться в Византию; провёл несколько лет в войске Ярослава Мудрого Харальд Сигурдарсон (будущий конунг Норвегии)<sup>76</sup>. Вероятно, такая практика была широко распространена: чтобы поручиться за благонадёжность отряда воинов, киевский князь должен был их хорошо узнать.

Впервые в договоре 944 г. вводилось наказание за несанкционированный приезд русов в Византию: «Аще ли безъ грамоты придуть и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять»<sup>77</sup>. «Стихийным» воинам в Византии угрожало не только тюремное заключение до получения ответа от киевского князя, но и смертная казнь в случае сопротивления. Оговаривалось, что и сумевшие избежать наказания в Византии и вернувшиеся на Русь также подвергнутся репрессиям. Практическое применение этой статьи засвидетельствовано историей Хрисохира, родича князя Владимира, который пришёл к Константинополю с 800 воинами и хотел поступить на военную службу. Опасаясь неприятностей, византийские власти предложили отряду вести переговоры, сложив оружие. Русы не подчинились, прорвались через Дарданеллы, одержав победу над пропонтидским стратигом, и вышли в Эгейское море, но около о. Лемнос их окружил византийский флот. Хрисохир снова отказался выполнить условия ви-

<sup>73</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 52; I trattati... P. 80. Аналогичным образом киевский князь мог запрашивать военную помощь в Империи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 51; I trattati... P. 77.

<sup>74</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62—63.

<sup>75</sup> Там же. Стб. 79.

<sup>76</sup> *Heiðarvíga saga* // *Borgfirðinga sögur* / Guðni Jónsson ok Sigurður Nordal gáfu út. (Íslenzk fornrit, 3). 2 utg. Reykjavík, 1955. Cap. 40; *Haralds saga harðráða* // *Snorri Sturluson*. *Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1945 (Íslenzk fornrit. B. XXVII). B. 1. Bls. 69—70.

<sup>77</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 48; I trattati... P. 71.



зантийцев и был разгромлен<sup>78</sup>. Вероятно, подобная участь постигла не одного Хрисохира.

Таким образом, первые свидетельства последовательного пресечения стихийных перемещений скандинавов в Восточной Европе и начала регулирования торговых и дипломатических контактов, а также прохождения военных отрядов скандинавов с севера в Византию содержатся в русско-византийском договоре 944 г. и касаются прежде всего Среднего Поднепровья, где находился великий князь и его дружина. К этому времени киевские князья, очевидно, настолько укрепили свою власть, что могли более или менее успешно контролировать поездки в Византию не только своих подданных, но и спонтанно приходящих скандинавских отрядов. Упорядочение этого потока, в котором ранее были заинтересованы по преимуществу византийцы, стало теперь жизненно важно и для киевских властей, и, внося соответствующие статьи в договор, они отстаивали свои собственные политические и экономические интересы.

Если в Среднем Поднепровье, главном центре княжеской власти и средоточии военной силы растущего государства, регулирование русско-скандинавского потока уже в середине X в. приобрело институциональные формы, то в зоне функционирования Балтийско-Волжского пути X в. представляется по-прежнему временем господства стихийных предприятий скандинавов. Единственной, насколько позволяют судить источники, формой регулирования, причём только торговли, было взимание торговых пошлин. Походы на Каспий (о грабительских нападениях на болгарские торговые центры сведений нет), которые рассматриваются в контексте русско-византийских или русско-хазарско-византийских отношений<sup>79</sup>, носят все признаки традиционных викингских походов, что не исключало использования этих отрядов Хазарией в своих политических целях, как, например, похода некоего Хлгу (*Helgi* > *Оле́г*) в 920-е гг.<sup>80</sup> Подтверждением тому, равно как и свидетельством постепенного «огосударствления» стихийного потока, служила практика приёма варягов на службу новгородскими князьями. В 977 г. Владимир, новгородский в то время князь, бежал «за море», скорее всего в Среднюю Швецию, и там нанял войско, с которым вернулся на Русь, чтобы начать борьбу за киевский стол<sup>81</sup>. В начале междоусобной войны Владимировичей к Ярославу, тоже новгородскому князю, пришёл отряд норвежца Эймунда Хрингссона и поступил к нему на службу<sup>82</sup>. Ярослав заключил с Эймундом договор, который, видимо, в довольно точном виде был включён в исландскую «Прядь об Эймунде»<sup>83</sup>. Договор носил частноправовой характер и определял, с одной стороны, размеры и формы оплаты наёмников, с другой — их обязанности: «защиту государства»,

<sup>78</sup> Ioannes Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. Io. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. P. 367—368. О датировке похода и идентификации Хрисохира см.: *Литавин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 223—227; *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник. Вып. 1. Париж, 2009. С. 222.

<sup>79</sup> *Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий...

<sup>80</sup> *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 2003. С. 101—193.

<sup>81</sup> О датировке бегства Владимира см.: *Мельникова Е.А.* Международные связи Руси эпохи Владимира Святославича // Владимир Великий и его место в отечественной истории. Материалы международной конференции. Киев, 2016. С. 61—63.

<sup>82</sup> *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги... С. 290—319.

<sup>83</sup> *Мельникова Е.А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978. С. 289—295.

т.е. участие в военных действиях, предпринимаемых Ярославом. Спустя несколько лет, в 1018 г., в критический момент борьбы со Святополком — после тяжёлого поражения на Буге и бегства в Новгород, откуда Ярослав «хотяше бежати за море», — новгородцы не пустили его и собрали деньги для найма варягов, которых и «привели» в Новгород<sup>84</sup>. Из этого сообщения явствует, что на север отправлялось некое посольство. Вероятнее всего, это было то самое посольство, о котором писал Снорри Стурлусон и цель которого заключалась в том, чтобы выяснить возможность брака Ярослава с дочерью шведского конунга Ингигерд<sup>85</sup>. Это — первое в источниках сообщение о дипломатических контактах Руси со Скандинавскими странами, и преследует оно не торговые, а военно-политические цели: заключение брака, а значит и союза, со Швецией и получение военной помощи. Второй случай вероятного отправления шведским конунгом военного контингента для поддержки (и по просьбе?) Ярослава приходится на конец 1030-х — начало 1040-х гг. Организация похода, размер войска (в память о его участниках установлено беспрецедентное количество рунических памятников (около 25), подавляющее большинство которых происходит из района оз. Меларен), которое возглавил, видимо, представитель правящего рода Ингвар, заставили предположить, что поход был «государственным», а не частным предприятием<sup>86</sup>.

К началу XI в. можно отнести первые попытки регламентировать пребывание в Новгороде скандинавских отрядов. Как в Константинополе купцам-русам отводилось определённое место для проживания — квартал св. Маманта, — так, вероятно, и в Новгороде служилые варяги Ярослава были сосредоточены в одном месте — на Парамонем дворе (*farmannagarðr* — «подворье приезжих»), где, судя по всему, позднее находился купеческий Готский двор<sup>87</sup>. Не случайно, в Новгороде — в отличие от «Рюрикова» городища — «доля скандинавских предметов в вещевой коллекции ничтожно мала»<sup>88</sup>, несмотря на изобилие письменных свидетельств о пребывании здесь скандинавов.

Наконец, предположительно к 1024—1028 гг. можно отнести заключение первого торгового договора между Новгородом и одной из Скандинавских стран — Норвегией<sup>89</sup>. Упоминание «немирья» (*vfriþr*) и отсутствия «торгового мира» (*cavpfriþr*) в первой половине 1030-х гг. и рассказ о последствиях этой ситуации в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» («*Magnúss saga góða ok Haralds harðráða*») в своде саг «Гнилая кожа» («*Morkinskinna*»)<sup>90</sup> предполагает, что в предшествующее время, т.е. в период правления Олава Харальдссона, отношения между Русью и Норвегией оставались дружествен-

<sup>84</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

<sup>85</sup> *Snorri Sturluson*. *Heimskringla*. Bls. 144—145. См. подробнее: Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 309—310.

<sup>86</sup> Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2002. С. 152—199.

<sup>87</sup> Мельникова Е.А. К предыстории Готского двора в Новгороде // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 371—384.

<sup>88</sup> Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Ещё раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010. С. 68.

<sup>89</sup> См. подробно: Melnikova E. *Par var eigi kaupfriðr i milli Sveins ok Jarisleifs: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024—1028?* // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 359—370.

<sup>90</sup> Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 46—49.

ными<sup>91</sup> и между ними существовал мир (*fríðr*)<sup>92</sup>, более того, имелся и некий «торговый мир» (*kaupfríðr*), иначе не было бы смысла констатировать отсутствие того и другого в период наместничества (1029—1035) в Норвегии Свейна, сына Кнута Великого. «Немирие» между правителями двух стран, Ярославом и Свейном, рассматривается автором саги как состояние межгосударственных отношений: как следует из сагового повествования, его действие распространяется как на всех норвежцев, подданных Свейна Альвивусона, преследуемых на Руси, так и на русских в Норвегии: «Каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе»<sup>93</sup>. Отсутствие торгового мира, обеспечивавшего безопасность купцов и их товаров и регламентировавшего ведение торговых операций и процедуру рассмотрения возникавших конфликтов, как и *úfríðr* вообще, рассматривается автором саги как государственная акция, инициированная Ярославом в одностороннем порядке<sup>94</sup>.

Упорядочению торговых отношений Новгорода со Скандинавскими странами в XI в. способствовало возникновение купеческого подворья скандинавских купцов с церковью св. Олава, которая впервые упоминается в рунической надписи из Упланда (Швеция) последних десятилетий XI в.<sup>95</sup>, однако возведение церкви (на территории *Farmannagarðr*, будущего Готского двора?), возможно, относится к 1030-м гг. — времени пребывания в Новгороде и на Руси сводного брата Олава, Харальда Сигурдарсона (позднее норвежского короля)<sup>96</sup>. Основание торгового двора — места хранения товаров и пребывания самих купцов — ставило торговлю со Скандинавскими странами под контроль новгородских властей.

Таким образом, в первой половине XI в. в Новгороде, насколько можно судить по скудным, отрывочным и зачастую много более поздним источникам, шёл тот же процесс, что полустолетием ранее проходил в Среднем Поднепровье: приток военных отрядов начал регулироваться новгородским князем, который при необходимости обращался за помощью к правителям Скандинавских стран, а находящиеся на службе варяги оказались локализованы и тем самым поставлены под более жёсткий контроль князя. Одновременно происходило упорядочение торговых сношений, которые начали регламентироваться договорами, а деятельность скандинавских купцов определяться новгородскими властями.

<sup>91</sup> См. подробно: Мельникова Е.А. Балтийская политика... С. 320—324.

<sup>92</sup> О понятии *fríðr* см.: Lund N. Peace and Non-Peace in the Viking Age — Ottar in Bjarmaland, the Rus in Byzantium, and Danes and Norwegians in England // Proceedings of the Tenth Viking Congress. Oslo, 1987. S. 255—269.

<sup>93</sup> Не исключено, впрочем, что автор саги привнёс реалию своего собственного времени, когда в Беломорье начались пограничные конфликты между новгородцами и норвежцами, связанные, прежде всего, с обложением данью местного населения. См., например, сообщение «Саги о Хаконе Хаконароне» (Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 529/531—532, 537—538).

<sup>94</sup> Временная приостановка новгородскими властями торговых отношений с конкретным партнёром была обычной практикой, во всяком случае в XII в. Например, под 1188 г. Новгородская первая летопись рассказывает о конфликте новгородцев и немцев на Готланде (в Висбю?), который привёл к прекращению торговых операций. Русские купцы не получили разрешения плыть в заморье, а немцы покинули Новгород «без мира» и сопровождающих лиц, т.е. без гарантий целостности их имущества и их личной безопасности (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 39, 229—230). См.: Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 27—29; Линд Дж. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1994. Вып. 4. С. 191—206.

<sup>95</sup> Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... Б-III.7.29. С. 338—339.

<sup>96</sup> Мельникова Е.А. К предыстории Готского двора... С. 375—377.